



Павел Кондратьев

За краем Тевтобурга

Павел Кондратьев

За краем Тевтобурга

<https://litres.ru/73951259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фракийский легионер Атрий, умирающий в Тевтобургском лесу от рук германцев, внезапно проваливается в магический портал. Он приходит в себя в клетке демона Молоха — в мире Тартесс, где правят боль, магия и жестокие игры.

Чтобы сломить римлянина, Молох заставляет его пить из мистической Чаши: сначала огонь, затем лёд, затем иллюзии. Но Атрий не кричит. Он терпит. Он гнёт зачарованные прутья голыми руками и приручает дикого дракона. Вместе с воительницей Кассией, потерявшей своё племя, он бросает вызов тирану. Но чтобы убить демона, мало меча — нужно перерубить невидимые нити судьбы, которые видит только тот, кто выпил Чашу до дна.

Жестокий, поэтический роман о границе между человеком и зверем, о боли как инструменте и о том, что истинная сила — не в мышцах, а в умении терпеть, когда терпеть уже невозможно.

Павел Кондратьев

За краем Тевтобурга

Книга первая

Глава 1. Смерть в Тевтобургском лесу

Он упал на колени.

Римская броня разорвана — от плеча до пояса, как будто медведь полоснул когтями. Из левого плеча торчало германское копьё. Грубое, с зазубринами, сделанное из расщеплённого дуба. Кровь текла по нагруднику, смешиваясь с грязью, падала чёрными каплями на пожухлую листву.

Вокруг — крики, звон мечей, запах дыма и чужой крови. Легион разбит. Варвары добивали раненых.

— Атрий! — заорал кто-то из своих. Голос срывался, захлёбывался паникой. — Вставай, мразь! Вставай, кому сказали!

Он поднял голову.

Мир качнулся. Деревья плыли перед глазами, как в тумане. Но боль была знакомая — старая, как первый шрам.

Ещё в детстве, когда его, раба из Фракии, тренировали для гладиаторских боёв, он понял одну вещь: боль можно отодвинуть. Не победить. Не забыть. Отодвинуть — как тяжёлый камень, который мешает пройти. Просто перестать обращать на неё внимание.

Он встал.

Колени дрожали, но держали. Он выдернул копьё. Кровь хлынула сильнее — тёплая, липкая, стекала по руке на траву. Атрий даже не поморщился.

— Я ещё не умер, — сказал он.

Голос был низкий, спокойный. Таким говорят люди, которые видели смерть сто раз и перестали её бояться. Которые знают: смерть — это просто переход. А переход можно перетерпеть.

Он сделал шаг. Второй. Третий.

Перед глазами поплыло — деревья слились в сплошную стену, трава уходила из-под ног, как живая. Из леса вышел германец. Огромный, в медвежьей шкуре, с лицом, раскрашенным синей глиной. В руке — секира, тяжёлая, с широким лезвием.

Он заорал что-то на своём языке — гортанное, звериное — и замахнулся.

Атрий успел подумать: «Хороший удар. Точный. В основание черепа».

И вдруг небо над лесом раскололось.

Вспышка.

Не белая — тёмно-синяя, как если бы кто-то перевернул ночное небо наизнанку и выжал из него весь свет до последней капли. Воздух стал тяжёлым, как вода. Запахло озоном и старой кровью.

Тело Атрия дёрнулось, как на дыбе. Земля ушла из-под ног — не провалилась, именно ушла, как живая, обиженная,

что на неё наступили.

Германец замер. Его секира зависла в воздухе, потом начала медленно оседать — время вокруг него замедлилось, растеклось, как смола, а потом рвануло в обратную сторону.

Атрий летел.

Не вверх. Не вниз. Сквозь.

Мимо него проносились камни, куски дерева, чьи-то доспехи, боевые топоры, обрывки знамён — всё, что было на поле боя за последний час. Как будто портал собрал всю смерть этого дня, всю ярость и утянул их за собой.

Атрий закрыл глаза.

Он не боялся упасть. Он боялся, что упадёт туда, где нет врагов. Потому что если нет врагов — зачем тогда жить?

Глава 2. Клетка

Он очнулся от запаха.

Пахло серой — едкой, удушающей, как от тысячи спичек, зажжённых сразу. Пахло мокрым камнем, подземельем, той особой сыростью, которая бывает только глубоко под землёй. И ещё — жареным мясом. То ли пир, то ли жертвоприношение.

Глаза открывались медленно. Веки — тяжёлые, как свинцовые пластины.

Первое, что он увидел — потолок.

Высокий, из тёмного камня, с которого свисали сталактиты. Острые, как копья. На одних горели факелы — жёлтые, чадающие. Другие тускло светились сами по себе — синим,

пульсирующим светом, похожим на тот, что был в портале.

— Очухался, римская черепаха, — сказал голос.

Женский. Низкий. Насмешливый. С хрипотцой — как будто его обладательница много кричала, а потом перестала и теперь кричать не собирается.

И главное: голос звучал не на латыни, не на греческом, не на германском. Но Атрий почему-то понимал каждое слово.

Он повернул голову.

Клетка. Большая, из ржавых прутьев, размером с конюшню. Стены — грубый камень, сложенный насухо, без раствора. Пол — утрамбованная земля, усыпанная соломой, которая пахла плесенью и мышами.

В углу клетки сидела она.

Высокая. Мускулистые руки — не накачанные, а точеные, как у кузнеца, привыкшего целыми днями держать молот. Кожа смуглая, обветренная, с золотистым отливом. Тёмные волосы заплетены в тугую косу, которая падала на грудь и лежала там, как верёвка.

На ней была кожаная безрукавка, набедренная повязка из шкуры какого-то пятнистого зверя, и сандалии до колен, перехваченные сыромятными ремнями.

— Ты кто? — спросил Атрий.

— Кассия, — она усмехнулась. — Твоя соседка. Не бойся, римлянин. Я не кусаюсь.

Он медленно сел. Плечо, куда воткнули копьё, затянулось — но не шрамом, а какой-то блестящей, как металл, плён-

кой.

— Что это? — спросил он, потрогав её пальцем.

— Магия. Здесь всё через неё. Лечат быстро. Потом мучают подольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.